

ПОСТСОВЕТСКИЕ РУССКИЕ АНЕКДОТЫ: НОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ POST-SOVIET RUSSIAN JOKES: NEW CHARACTERS

Шмелева Е. Я. Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва
Шмелев А. Д. Московский педагогический государственный университет, Москва

В докладе рассматриваются персонажи постсоветских анекдотов, которые не фигурировали в анекдотах советского периода (в частности, новые русские, Ельцин, Путин, наркоманы, программисты, эстонцы), анализируется соотношение их речевых масок и поведенческих характеристик.

В ряде предшествующих публикаций (см., напр., [Шмелева, Шмелев 2005]) мы отмечали, что на наших глазах происходит видоизменение речевого жанра анекдота, состоящее в том, что на смену рассказыванию новых анекдотов приходит напоминание и цитирование известных анекдотов. Однако это ни в коем случае не означает, что новые анекдоты уже больше не появляются. Во многих из вновь появившихся анекдотов фигурируют персонажи, уже известные по анекдотам советского времени, со своими характерными чертами и речевыми масками; однако в целом набор персонажей современных анекдотов несколько изменился. Некоторые персонажи ушли в небытие: в настоящее время практически не появляется новых анекдотов о *майоре Пронине* или *Веронике Маврикиевне* и *Авдотье Никитичне* (хотя некоторые из “старых” анекдотов о них нередко цитируются); чрезвычайно немногочисленны новые анекдоты об *армянском радио*. С другой стороны, появился целый ряд новых персонажей, неизвестных анекдотам советского времени; некоторым из этих персонажей посвящены целые серии анекдотов. В настоящей заметке мы попытаемся кратко охарактеризовать ряд персонажей русских анекдотов.

Новые серии анекдотов

Среди персонажей новых серий анекдотов можно различить абсолютно новых персонажей, которые были совершенно неизвестны анекдотам советского времени, и персонажей, которые могли фигурировать в анекдотах и ранее, однако эти анекдоты не имели широкого хождения. К первому типу новых персонажей относятся, в частности, *новые русские*, *Ельцин* и *Путин*; ко второму типу принадлежат *эстонцы*, *программисты* и *наркоманы*¹.

Новые русские — по-видимому, самые популярные персонажи анекдотов 1990-х гг. Особенности поведения, равно как и коррелирующие с поведением речевые характеристики *новых русских* были подробно описаны в ряде наших статей и в книге [Шмелева, Шмелев 2002]. *Новые русские* — это особый народ со своими обычаями и своим языком; они живут среди русских, но ведут себя по-другому; они говорят по-русски, но многие русские слова понимают неправильно, или же эти слова имеют в “новорусском языке” несколько иное значение. Эти же черты характеризуют и детей *новых русских*:

(1) *Приходит сын нового русского из школы первого сентября, говорит: “Зачем вы меня обманули? Ничего хорошего в этой школе нет, а говорили: первый класс! Первый класс!”*

Жена нового русского обладает многими характеристиками нового русского, соединяя их с характеристиками блондинок и жесн из западных анекдотов:

(2) *Жена нового русского принимает квартиру после евроремонта. Представитель фирмы говорит: “У нас вопрос по поводу прокладки антенны. У вас какое телевидение будет, обычное или спутниковое?” — “Не знаю, муж мне ничего не говорил о запуске спутника”.*

(3) *Новый русский говорит своей жене: “Дорогая, я, конечно, не имею ничего против, но, ради Бога,*

¹ В советское время был известен анекдот о горячих эстонских парнях, однако никаких других анекдотов об эстонцах практически не рассказывали в достаточно широкой аудитории. Анекдоты о программистах имели хождение в среде самих программистов; анекдоты о наркоманах рассказывались в среде людей, принадлежащих некоторым типам молодежной субкультуры.

объясни мне, зачем ты сегодня купила точно такой же новый “Мерседес”, как и вчера?” — “Понимаешь, милый, я опаздывала к Славе Зайцеву на примерку, мне надо было срочно ему позвонить, а ближайший телефон был в салоне фирмы “Мерседес”, я позвонила, а потом, посуди сам, я же не могла уйти оттуда с пустыми руками!”

(4) В милицию вбегает заплаканная жена нового русского. “Найдите мне моего мужа, я без него жить не могу!” — “А когда он исчез?” — “Два месяца тому назад”. — “Но почему вы заявляете об этом только сейчас?” — “У меня кончились деньги!”

От жен новых русских следует отличать “новых русских женщин” (деловых женщин), обладающих совсем иными характеристиками:

(5) “Девушка можно предложить вам свою компанию?” — “А какие у нее активы?”

(6) “Девушка можно попросить у вас телефончик?” — Протягивает мобильный телефон: “Ну, достали уже — ладно, звоните”.

В последние годы новые анекдоты о новых русских появляются значительно реже. Сам образ нового русского начинает размываться. Приведем пример анекдота, появившегося вскоре после ареста Михаила Ходорковского:

(7) Поймал новый русский золотую рыбку. “Хочешь денег?” — говорит рыбка. “Да у меня много”. — “Хочешь здоровья?” — “Да я здоров”. — “Так, чего хочешь-то?” — “Хочу сидеть и ничего не делать”. — “Хорошо, Миша”.

Ельцин и Путин в анекдотах также обладают определенными речевыми характеристиками. Для речевой характеристики Ельцина характерно использование его любимых словечек (напр., *понимаешь*), характерное произношение слов *тэк*, *шта*; для речи Путина в анекдотах характерно смешение стилей, использование вульгаризмов (напр., *замочить*)².

При этом и в анекдотах о Ельцине, и в анекдотах о Путине часто используется тот же самый прием: каламбурное столкновение разных значений многозначного слова, напр. анекдота, построенного на жаргонном значении слова *овоци*, обозначающего людей в беспомощном состоянии:

(8) Путин с Грызловым и Фрадковым идет в ресторан. Официант его спрашивает: “Вы будете мясо или рыбу?” — “Мясо”. — “А овоци?” — “Овоци тоже будут мясо”.

Любопытно, что сходный прием (каламбурное столкновение значений многозначного слова) часто используется и в анекдотах о программистах, которые полностью живут “в мире компьютеров” и все слова склонны понимать как относящиеся к компьютерной терминологии:

(9) Сидит парнишка за компом, мерзнет, сквозняк... Звонит мама: “Как дела?” — “Да знобит чего-то, сквозняк сильный...” — “А ты бы окошки закрыл!” Через какое-то время звонок маме: “Мама, я все окошки закрыл, два раза перезагрузился, а все равно сквозняк!”

Сходные недоразумения могут происходить с программистами и при интерпретации целых высказываний, которые они склонны понимать формально алгоритмически:

(10) Программист второй час не выходит из ванной. Жена кричит ему: “Что ты так долго моешься?” — “Да тут на шампуне написано: нанести шампунь на влажные волосы, смыть, повторить...”.

В целом программисты ценят возможность сидеть за компьютером значительно больше, нежели реальную жизнь (ср. анекдот о программисте, вернувшемся домой и заставшем жену с любовником, или анекдот о программисте, поехавшем на курорт и попытавшемся ухаживать за неприступной девушкой).

² Впрочем, не для всех анекдотов, в которых фигурируют Ельцин и Путин, эти речевые характеристики релевантны. Так, речевые маски Ельцина и Путина, в отличие от речевых масок Ленина и Сталина, обычно не используются в анекдотах, в которых описывается поведение различных руководителей государства в однотипных ситуациях.

Наркоманы в анекдотах характеризуются неспособностью к самоидентификации, отсутствием ориентации в пространстве и времени:

(11) *Вышел наркоман на балкон. Вдруг раз – в глазах темно, потом раз – в глазах светло. Вдруг раз – и снова темно. Ну, он испугался, кричит: “Мама-мама, мне что-то нехорошо!” – “Конечно, сынок, нехорошо, ты третий день на балконе стоишь!”*

В анекдотах о *наркоманах* также часто используется прием, состоящий в каламбурном столкновении значений многозначного слова, поскольку *наркоманы* склонны понимать самые обычные слова как жаргонные обозначения, связанные с употреблением наркотиков:

(12) *Правда, что ежики колются? — Да нет, только бухают иногда...*

(13) *Новообращенный наркоман делится своими первыми откровениями с преподавателем воскресной школы: “В Новом Завете написано, что Иисус однажды велел ученикам посадить народ на траву... В другом месте Иисус сказал Самарянке сесть уколоться...”*

Ср. также взаимное непонимание, связанное с потерей способности ориентироваться в реальности:

(14) *Встречаются два друга-наркомана. Первый говорит: “Вчера был в козырном баре, с такой девушкой познакомился, даже взял телефон”. Второй отвечает: “Кайф”. На следующий день опять то же самое, и так всю неделю. Наконец в очередной раз второй не выдерживает и говорит: “Ну, на что тебе столько телефонов, ты бы лучше телевизор взял, что ли”.*

Чрезвычайно характерна для *наркоманов* также неспособность выполнить заранее намеченный коммуникативный план:

(15) *Едет чувак на мотоцикле, обкуранный, думает: сейчас менты остановят и спросят: “че глаза красные, обкурился?” — а я отвечаю: “нет, ветром надуло”. Его останавливают: “Че глаза красные, ветром надуло?!” — “Нет, обкурился”.*

Распространенные представления о чрезвычайной медлительности эстонцев, по-видимому, связаны с большой длительностью пауз, посредством которых носители данной культурной традиции дают собеседнику возможность продолжить свой монолог, подумать над тем, что сказал собеседник, вставить свою реплику. Длительные паузы накладываются на тот факт, что в эстонском языке распространены долгие звуки (не только гласные, но и согласные), так что речь воспринимается как медленная – а это может свидетельствовать о медлительности участника коммуникации.

Именно замедленный темп речи, длительные паузы, использование долгих гласных и согласных, интонационная размеренность — главные составляющие речевой маски *эстонца* в анекдоте. Таким образом рассказчик пытается имитировать эстонский акцент, и, хотя по большей части это получается не очень успешно с точки зрения соответствия реальной русской речи эстонцев, однако оказывается достаточным для того, чтобы речевая маска была легко узнаваемой. Характер *эстонца* как героя анекдота вполне соответствует этой маске. *Эстонцы* в анекдотах сверхъестественно медлительны, замкнуты, рассудительны, неспособны к сильным эмоциям. В дополнение к примерам, рассмотренным нами в предшествующих публикациях [Шмелева, Шмелев 2002; 2003], приведем еще несколько анекдотов об эстонцах:

(16) *Что это за медленный вальс? — Это эстонский рэп.*

(17) *Чем отличается эстонец-интроверт от эстонца-экстраверта? — Эстонец-интроверт во время разговора смотрит на свои башмаки, а эстонец-экстраверт на башмаки собеседника.*

(18) *Эстонец с женой приезжает в одну из арабских стран. Там они идут на местный рынок. На рынке к ним подходит один араб и обращается к эстонцу: “Европеец?” — “Та, я ис Европы”. — “Это твоя жена?” — “Та, моя сена”. — “Я предлагаю тебе за нее 50 верблюдов”. Эстонец округляет глаза, начинает что-то думать 10 минут, 15... 20... затем говорит: “Нет, она не протаится”. Араб уходит, и жена говорит эстонцу недовольным голосом: “Почему ты сразу ему не скасал, что я не протаюсь?”*

Ты что, хотел меня унести?” — “Нет, просто я думал, как же я смогу уместить в квартире 50 верп-лютов”.

Помимо персонажей, которые стали героями целых серий анекдотов, встречаются и персонажи, о которых рассказываются анекдоты и которые обладают определенными характерными чертами, но анекдоты о которых пока не образуют самостоятельных серий. Таковы, напр., *Чубайс*, *Жириновский* или *Борис Моисеев*. Они могут появляться в анекдотах как сами по себе, так и в качестве второстепенных персонажей (напр., Чубайс иногда выступает в качестве второстепенного персонажа в анекдотах о *Ельцине* и *Путине*). Кроме того, второстепенные персонажи могут появляться окказионально и быть лишены какого-либо самостоятельного образа, как, напр., *Грызлов* и *Фрадков* в вышеприведенном анекдоте о *Путине* в ресторане.

Анекдоты-отклики

Значительную часть вновь появляющихся анекдотов составляют анекдоты, представляющие собою отклик на какое-то событие, обсуждаемое в средствах массовой информации (“гуманитарные бомбардировки” Сербии, войну в Ираке, выборы президента России, инаугурацию Путина, пресс-конференцию Путина on-line, перепись населения, скандал на пресс-конференции Филиппа Киркорова в Ростове-на-Дону, покупку Абрамовичем футбольной команды “Челси”, дело ЮКОСа и т. п.). В роли персонажей таких анекдотов выступают участники соответствующих событий; многие из них еще не обрели конвенционального “анекдотического” облика и речевой маски, так что их характеристики опираются на портрет, который дают средства массовой информации.

Как правило, анекдоты данного типа недолговечны: когда событие, откликом на которое был анекдот, теряет актуальность, анекдот часто становится непонятным, и его не только перестают рассказывать, но и не упоминают и не цитируют. Ряд таких анекдотов-однодневок был приведен в нашей статье [Шмелева, Шмелев 2003: 631]. Приведем еще несколько примеров:

(19) Остап Бендер знал 400 относительно честных способа отъема денег, Владимир Путин придумал еще один, пафосно назвав его “спором хозяйствующих субъектов”.

(20) Предложение генерала Трошева о выплате крупной суммы за голову Басаева нашло живой отклик у чеченского населения. На сегодняшний день ими сдано 16 голов Басаева. К сожалению, только девять из них признаны подлинными.

(21) Армянское радио спрашивают: “Какая идея может появиться в голове у необразованного еврея, которому на эту голову свалилось несколько миллиардов халявных баксов?” Армянское радио отвечает: “Купить “Челси””.

Впрочем, некоторые из анекдотов такого типа, в меньшей степени “привязанных” к событию, имеют шанс сохраниться (возможно, в несколько модифицированном виде) и до того времени, когда о событии, послужившем толчком к созданию анекдота, уже мало кто будет помнить. Такое произошло с некоторыми анекдотами-откликами, родившимися в советское время. Так следующий анекдот продолжали рассказывать годы спустя после вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. — события, на которое “откликнулся” анекдот:

(22) Встречаются американец, француз и русский. Американец говорит: “У меня три автомобиля: на одном я езжу по городу, на другом — по стране, а на третьем — за границу”. Француз говорит: “Нет, я такого не могу себе позволить — у меня только два автомобиля. На одном я езжу по стране, а на другом — за границу”. А русский говорит: “А у меня нет автомобиля”. Его спрашивают: “Как же так? А на чем же ты ездил, например, за границу?” — “А на танке!”

Здесь играло роль то, что о вторжении в Чехословакию продолжали помнить и отсылка к нему легко опознавалась. Если же анекдот был откликом на более маргинальное событие, напр. матч Грузия – Россия в Тбилиси, прерванный из-за того, что на стадионе погас свет, который не удалось починить, или случай, когда американцы во время бомбежек Белграда в 2000 г. неожиданно разбомбили китайское посольство, то анекдот мог быть непонятен слушателям спустя всего несколько месяцев после своего появления.

Если анекдот-отклик продолжали рассказывать спустя значительное время после его появления, то, если его персонаж уже вошел в число конвенциональных персонажей русских анекдотов, он, скорее всего, будет фигу-

рировать и в последующих версиях анекдота, как *американец, француз и русский* в вышеприведенном анекдоте о поездках за границу или *Хрущев* в анекдоте о посещении выставки абстракционистов. Если же мы имеем дело с окказиональным героем анекдота, весьма вероятно, что отсылка к нему будет утрачена, как это произошло с анекдотом про нового советского посла в Китае. Первоначально этот анекдот возник как реакция на назначение послом бывшего секретаря Ленинградского обкома КПСС Толстикова, имевшего репутацию антисемита; однако в дальнейшем он чаще всего рассказывался как анекдот, в котором фигурирует анонимный советский посол.

В силу сказанного можно полагать, что, если, скажем, анекдот о *Путине, Грызлове и Фрадкове* в ресторане окажется долговечным, то он, вероятно, будет рассказываться о *Путине* и *депутатах* и *министрах*; точно так же анекдот о *Путине* и *Вешнякове* может трансформироваться в анекдот о *Путине* и анонимном *председателе Центральной избирательной комиссии*.

Список литературы:

1. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
2. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Фоновые знания в русском анекдоте. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международного семинара Диалог'2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Протвино: 2003. С. 629-634.
3. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот в двадцать первом веке: трансформации речевого жанра // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог'2005. М.: 2005. С. 520-524.